

УДК 94:39

В.И. Терентьев

ОЙРАТЫ: ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ПОЛИТОНИМА И КОНТУРЫ СОВРЕМЕННОЙ ЭТНОИСТОРИЧЕСКОЙ ОБЩНОСТИ*

Кратко рассматривается современное состояние изученности ойратской проблемы, обосновывается факт трансформации средневекового этнополитонима в название современной этноисторической общности, анализируются некоторые новейшие процессы реконструкции ойратской этнокультурной общности и предпринимается попытка выявления современных этнокультурных границ западных монголов – потомков ойратов.

Ключевые слова: *ойраты, этнокультурные трансформации, традиции, наследие.*

Накопившаяся за последние полтора века литература по истории и этногенезу ойратов сформировала блок не разрешенных к настоящему времени вопросов, связанных с проблемой происхождения и атрибуции этнонима *ойрат*. Это неоднократно отмечалось в работах И.Я. Златкина [1. С. 19], У.Э. Эрдниева [2], Н.В. Екеева [3, 4, 5], С.К. Хойта [6] и других исследователей. Подобная ситуация существует и в вопросе состава и времени образования ойратского союза «дэрбэн ойрат» [1. С. 19–22]. Корень всех этих проблем, главным образом, кроется в отсутствии в источниках четких сведений о данных процессах, на что указывают современные специалисты [7. С. 8]. В зависимости от историко-культурного контекста именование ойратов различно: халха называют ойратов олэтами (или ойратами [8]), тюрки – калмыками¹, китайцы – вало (элют/олют [8]) [9. С. 701]. Ойраты являются одной из составляющих современной монгольской нации и приобрели в Новое время национальное и региональное своеобразие, что позволило сложиться целому направлению в науке – ойратологии [10. С. 52]. В данной статье рассмотрим некоторые ключевые аспекты «ойратской проблемы», проанализируем, как менялось значение и понимание термина *ойрат* и что под ним подразумевается сейчас. Для этого нам необходимо рассмотреть его истоки в научной литературе.

Первые упоминания ойратов имеется в «Сборнике летописей» Рашид-ад-дина и «Тайной истории монголов»². Персидский историк Рашид-аддин сообщал, что «юртом и местопребыванием этих ойратских племен было Восьмиречье [Секиз-Мурэн]... Из этого места вытекают реки, [потом] все вместе соединяются и становятся рекой, которую называют Кэм; последняя впадает в реку Анкара-мурэн» [11. С. 118]. Здесь же в комментарии говорится, что, скорее всего, автор под «Кэмом» понимает Енисей, следовательно, по его представлениям, Енисей впадает в Анкару [11. С. 118]. Мнение российских и советских историков о местонахождении «Восьмиречья» расходятся: одни, как в предыдущем случае, сопоставляют его с верховьями Енисея, другие – с Приангарьем, как, например, в «Истории МНР» [12. С. 21], третьи объединяют эти оба района в единую древнюю этническую территорию ойратов, включив в нее также лесные районы, межгорные долины и степи Саян [13. С. 330; 12. С. 21]. Картографируя ареалы расселения народов, упоминаемых Рашид-аддином, Б.З. Нанзатов разместил ойратов на территории современной Тувы, Северной Монголии (Прихубсугулье и Хинган) и (под вопросом) в Верхнем Приангарье [14. С. 410, 422].

Не подвергается сомнению мысль У.Э. Эрдниева [12. С. 22], высказанная им на основе анализа «Сборника летописей», что ойраты XIII – начала XIV в. – это крупное объединение нескольких племен, но каких племен, мы не знаем, поскольку текст перед началом перечисления «отраслей», на которые они «разветвлялись», у Рашид-ад-дина обрывается [11. С. 118]. Исходя из этого, мы должны понимать, что в то время ойрат – это, во-первых, наименование людей, проживающих в

* Исследование выполнено при поддержке АВЦП «Развитие научного потенциала ВШ» Министерства образования и науки РФ по теме «Изучение тюркско-монгольского (ойратского) этнокультурного наследия и систем традиционного природопользования этносов российской и западномонгольской части Алтае-Саянского экорегиона».

¹ По мнению С.К. Хойта, сейчас существуют две версии происхождения этнонима «калмык»: либо от слова «остатки» (монголов), либо от словосочетания «не принявшие ислам». Впрочем, обе они не исключают друг друга: «остатки, не принявшие ислам» [8].

² Исчерпывающий комментарий по поводу логичности исключительно такого именования данного источника по истории средневековой Монголии дал в своей работе Б.Р. Зориктуев [11. С. 52], которого мы и придерживаемся.

составе некоего политического образования, характер власти в котором нам пока остается неизвестным, а, во-вторых, название главенствующей группы в этом объединении [12. С. 22]. Сходные сведения об изменении значения слова *чорос* с политического термина (аристократические верхи) на этноним приводит Н.В. Екеев [3. С. 39]. В последующем второе название чоросов – *джунгары* – стало названием всего ханства.

Несмотря на то, что версии происхождения самого этнонима *ойрат* хорошо известны, благодаря имеющимся обобщениям [5. С. 71–75; 1. С. 19–20], в целях нашего исследования необходимо указать их, используя в том числе материалы сайта www.hamagmongol.narod.ru, предлагающего нам новейшие версии этимологии этого этнонима [17].

Одно из первых мнений было высказано в начале XIX в. Н.Я. Бичуриным [15], А. Ремюза и И.Я. Шмидтом [1. С. 19]. Эта версия гласит, что слово «ойрат», имея в своей основе монгольское слово «*ойр*» – «близко», означает «близкий», «союзник». Напротив, Д. Банзаров утверждал, что это слово происходит не от *ойр*, а составлено из слов *ой-арат*, которые соответствуют *оин ирген* Рашидадина, т.е. «лесной народ». Другое предположение сделал лингвист Г.И. Рамстедт, который вывел этнонимы *ойрат* и *огуз* из общей формы «огизан» (либо «огиз») [16], следовательно, сам этноним не содержит какого-либо смыслового значения и не может быть переведен [1. С. 20]. Последнюю версию добавляет вышеупомянутый сайт. Она принадлежит современному калмыцкому лингвисту, профессору Н.Н. Убушаеву, считающему, что этноним *ойрат* имеет тотемное происхождение в значении «волк».

Если ранняя история ойратов таит в себе ещё много загадок, то сведения о том, что ко времени образования Джунгарского ханства ойраты состояли из четырех племен (в последующем – этнических групп): чорос, *дөрвөд*, хошууд и торгууд (после ухода последних на Волгу их место заняли хойты) [18. С. 270], являются неоспоримым фактом. Но после гибели ханства, физического уничтожения почти миллиона его населения, переселения оставшихся ойратов на территорию современной Западной Монголии и их частичной аккультурации кого нам следует понимать под ойратами и насколько вообще применим данный этноним к современным потомкам средневековой этнополитической общности? Проанализируем основные направления, господствующие в научном и общественном дискурсах.

С.К. Хойт включает в состав ойратов не толь-

ко потомков средневекового этнополитического объединения, расселенных по всему земному шару, в том числе и в Западной Монголии, но и часть современных тюркоязычных этнических общностей¹: *дөрвөд* (75403 чел.); *баяд* (56573 чел.); *захчин* (32845 чел.); *урианхай* (26654 чел.); *өөлд* (15520 чел.); *торгууд* (14176 чел.); *хотон* (11304 чел.); *мянгад* (6592 чел.); *хошууд* (183 чел.)²; *хойд* (5000 чел.); *тува* (5169 чел.) [6. С. 138–139]. Несмотря на известную высокую степень этнической идентичности и высокоразвитое этническое самосознание *тува* [20. С. 207–313] – группы тувинцев, проживающих в Цэнгэл сумоне Баян-Улгийского аймака, – они включены С.К. Хойтом в состав ойратов. Также он включает сюда современных алтайцев, которые на определенном историческом этапе своего развития идентифицировали себя ойратами, используя этот этноним в качестве самоназвания. По поводу тюркоязычных хотонов можно сказать, что после их переселения из Средней Азии на территорию современного сумона Тариялан Увс аймака ойратизация данной группы в большей мере проявляется в языке, основные компоненты духовной и материальной культуры практически не подвержены монголизации.

В свою очередь, алтайский этнограф Н.В. Екеев включает в ойратскую «культурно-языковую общность» только следующие монголоязычные этнические общности: алтайские урянхайцы, мингаты (мянгад), өөлд (олеты), захчины, торгууд, баяд и дөрвөд [4. С. 92–93].

В последнее время становятся популярными исследования социальных философов, в той или иной мере посвященные этнической проблематике и этнокультурным процессам. В нашем контексте интересно мнение С.М. Белокурова о том, что в настоящее время ойратского «этноса как такового не существует, а его представители пространственно слишком отдалены друг от друга» [21. С. 38]. Здесь мы видим пример не совсем корректного отношения к современным ойратским этническим группам как единому «этносу».

Вместе с этим укажем тенденции, господствующие в китайской и японской историографиях Джунгарского ханства и, соответственно, ой-

¹ Названия представлены в монгольском написании, численность дана по результатам переписи населения и жилья Монголии 2010 г. [19].

² Численность *хошууд* и *хойд* в материалах переписи 2010 г. не отражена, скорее всего, они входят в безликую группу «Прочие», поэтому их количество указано по данным С.К. Хойта [6. С. 139], причем численность первых приводится со ссылкой на результаты переписи 2000 г., а численность вторых в статье С.К. Хойта не подтверждается никакими источниками и явно является завышенной.

ратской проблематики. В Китае исторические построения протекают в ключе развиваемой концепции «да и тун» («Великое единение»), по которой джунгары считаются частью единой китайской нации. В ойратологии Японии также имеется своя особенность, которая сводится к именованию Джунгарии «хунтайджийство» («княжество»), в котором система государственности отсутствует, а не ханством (самостоятельным государством), что свойственно для российской и западной науки [22. С. 9].

Итак, современная этноисторическая общность ойратов состоит из западномонгольских этнических групп, меньше всего подверженных ассимиляции, хотя процессы нивелирования культурных отличий свойственны и для Западной Монголии. Несколько спорно в этом плане утверждение, сделанное ещё в середине 1980-х гг. о том, что у большинства мелких этнических групп этноним выработался только благодаря территориальному обособлению, а не культурным различиям [23. С. 66]. Но, как мы смогли убедиться сами, сегодня этнокультурные различия, в первую очередь в покрое и стиле традиционной одежды, культивируются посредством музейных экспозиций.

В современной этнополитической практике алтайцев ойратские традиции прослеживаются наиболее ярко. По всей видимости, это связано с восприятием ими этнонима *ойрот/ойрат* в качестве этнополитического символа средневекового могущества: «О том времени, когда предки пережили государственность в составе Джунгарии, алтайцы говорят “ойрот-ой”, тех правителей называют “ойрот-каан”, народ “ойроттор”, законы того времени “ойрот жан-”» [24. С. 424]. С уничтожением в 1758 г. Джунгарского ханства [1. С. 279], идея единого государства ойратов не исчезает. Возможно, что одна из причин этого в следующем. Последний хан Джунгарии Амурсана не был пленен цинскими войсками, а скрылся в России. После его смерти от оспы в Тобольске российские власти отказались выдавать тело цинским властям. Эти реальные исторические факты попадают на мифологизированную буддийскую почву Монголии, а оттуда на Алтай, где при взаимодействии с легендами об Ойрот-хане, считающемся в современной алтаистике собирательным образом джунгарских ханов [24. С. 424], трансформируются в народные сказания о мессианском спасении алтайского народа. Общая историческая память о нахождении части населения Саяно-Алтая в составе или в непосредственной зависимости от Джунгарского ханства послужила источником возникновения в начале XX в. повсеместных идей о возрождении единого государства ойратов. Эт-

нополитоним *ойрат* именно в этом значении был унаследован представителями национальной элиты народов Южной Сибири и становится этнообъединяющим для различных тюркоязычных групп горно-таёжных и степных областей российских районов Саяно-Алтая [25. С. 189].

В настоящее время в этнополитической среде алтайцев в связи с ревитализационным движением происходит установление контактов с представителями этнических групп Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая – потомками ойратов¹. В самой Монголии существуют программа поддержки ойратской культуры и программа подготовки высококвалифицированных специалистов из среды ойратов, существуют теле- и радиопередачи, посвященные ойратскому культурному наследию. Но сам этноним в списке народов, населяющих Монголию, отсутствует, он не используется в государственном национально-политическом дискурсе, но встречается в устной речи и литературе.

Подводя итог, можно сделать вывод, что этноним «ойрат» применим исключительно к средневековой общности, любые попытки объединить «на бумаге» все тюрко-монгольские этнические общности, предки которых находились в составе «дэрбэн ойрат», имеют конструктивистский характер и, следовательно, относиться к подобным проявлениям следует с осторожностью. К сегодняшнему дню этноним «ойрат» стал историографическим фактом, он активно используется в литературе, где порой совершенно не рассматривается его этимология и не оговариваются его конкретные носители. При именовании всех западномонгольских этнических групп собирательным этнонимом *ойрат* мы должны обращать внимание, что в данном случае под этим подразумевается этноисторическая общность.

Итак, мы наметили контуры понятия «ойратские традиции», под которым мы понимаем различные аспекты этнокультурного наследия средневековой этнополитической общности ойратов, в той или иной степени встречаемые у современных тюрков и монголов Саяно-Алтая. Отдельное внимание было уделено попытке реконструкции политического объединения ойратов. Рассмотрению других аспектов будет посвящена наша дальнейшая работа.

ЛИТЕРАТУРА

¹Данная информация предоставлена автору во время личной беседы с аспирантом Горно-Алтайского государственного университета Т.С. Ябыштаевым.

1. Златкин И.Я. История Джунгарского ханства 1635–1758 гг. Изд. 2-е. М.: Наука, 1983. 334 с.
2. Эрдниева У.Э. Калмыки: Историко-этнографические очерки. 3-е изд., перераб. и доп. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1985. 282 с.
3. Екеев Н.В. К проблеме этнической истории ойратов-чоросов // Мир Евразии. Горно-Алтайск, 2008а. № 2. С. 37–41.
4. Екеев Н.В. Ойраты и алтайцы: этнические и этнокультурные связи и параллели // Проблемы этногенеза и этнической культуры тюрко-монгольских народов: Сб. науч. тр. / Редкол.: П.М. Кольцов [и др.]. Элиста: КалмГУ, 2008б. Вып. 2. С. 92–101.
5. Екеев Н.В. Проблемы этнической истории алтайцев (исследование и материалы). Горно-Алтайск: ОАО «Горно-Алтайская типография», 2011. 232 с.
6. Хойт С.К. Последние данные по локализации и численности ойрат // Проблемы этногенеза и этнической культуры тюрко-монгольских народов. Элиста: Изд-во КГУ, 2008. Вып. 2. С. 136–157.
7. Кукеев Д.Г. История ойратов до создания Джунгарского ханства (XIII–XVI вв.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Санкт-Петербург: СПбФ ИВ РАН, 2006. 20 с.
8. Хойт С.К. Обзор ойратской истории [Эл. ресурс]. Режим доступа: http://www.hamagmongol.narod.ru/index_r.htm (дата обращения: 18.02.2013 г.)
9. Народы МНР // Народы Восточной Азии / Под ред. Н.Н. Чебоксарова, С.И. Брука, Р.Ф. Итса, Г.Г. Стратановича. М.; Л.: Наука, 1965. С. 697–788.
10. Очерки Западной Монголии / В.М. Кимеев, В.И. Терентьев, А.С. Акулова, Ю.В. Шишин, Лхагвасурэн Батсуурь. Кемерово: Примула, 2012. Т. 1: Традиции и современность. 206 с.
11. Зориктуев Б.Р. Об этимологии этнонима монгол // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. № 1. 2011. С. 47–57.
12. Рашид-ад-дин. Сборник летописей / Пер. с перс. Л.А. Хетагурова; ред. и примеч. проф. А.А. Семенова. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1952. Т. 1, кн. 1. 220 с.
13. Владимирцов Б.Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм // Работы по истории и этнографии монгольских народов / Редкол.: В.М. Алпатов (пред.) и др.; Сост. Г.И. Слесарчук. М.: Вост. лит., 2002. С. 295–488.
14. Нанзатов Б.З. Расселение и племенной состав народов Центральной Азии в предчингисовское время (по данным летописей Рашид-ад-Дина) // Монгольская империя и кочевой мир: Мат-лы междунар. науч. конф. Кн. 3. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2008. С. 377–443.
15. Бичурин Н.Я. Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени. СПб., 1834. 265 с.
16. Рамstedt Г.И. Этимология имени Ойрат // Сборник в честь семидесятилетия Г.Н. Потанина. Записки ИРГО по отделению этнографии. Т. XXXIV. СПб.: Типография В.У. Киршбаума (отделение), 1909. С. 547–558.
17. Сайт «Хамаг монгол» [Эл. ресурс]. Режим доступа: <http://www.hamagmongol.narod.ru> (дата обращения: 15.02.2013 г.).
18. Кычанов Е.И. История приграничных с Китаем древних и средневековых государств (от гуннов до маньчжуров). 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Петербургское лингвистическое общество. 364 с.
19. Хун ам, орон сууцны 2010 оны улсын тооллогын урдун (Результаты переписи населения и жилья Монголии 2010 года). Режим доступа: <http://www.toollogo2010.mn>
20. Монгуш М.В. Один народ: три судьбы. Тувинцы России, Монголии и Китая в сравнительном контексте // Senri Ethnological Reports 91. Осака: Национальный музей этнологии, 2010. 360 с.
21. Белокурова С.М. Формирование этнического мировоззрения как феномена культуры (на примере этногенеза ойратов) [Текст] // Мир науки, культуры, образования. Горно-Алтайск: Алтайская государственная академия культуры и искусств, 2007. №4. С. 35–38.
22. Кукеев Д.Г. К вопросу о новых тенденциях в современной китайской историографии по Джунгарскому ханству // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований. Элиста: КИГИ РАН, 2011. №2. С. 7–11.
23. Шмыт З. Нация и этничность в Монголии // Этнографическое обозрение. М.: Наука, 2011. №6. С. 58–70.
24. Тадина Н.А. «Ойрот» как символ государственности в этническом сознании алтайцев: Материалы Международной научной конференции «Единая Калмыкия в единой России: через века в будущее», посвященной 400-летию добровольного вхождения калмыцкого народа в состав Российского государства. Ч. 1. Элиста: ЗАО «НПП «Джангар», 2009. С. 424–427.
25. Кимеев В.М., Терентьев В.И. Ойратская иллюзия: этнокультурные и этнополитические процессы в Южной Сибири и Западной Монголии в конце XIX – нач. XX в. // Археология Южной Сибири. К 80-летию А.И. Мартынова. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2012. Вып. 26. С. 189–194.